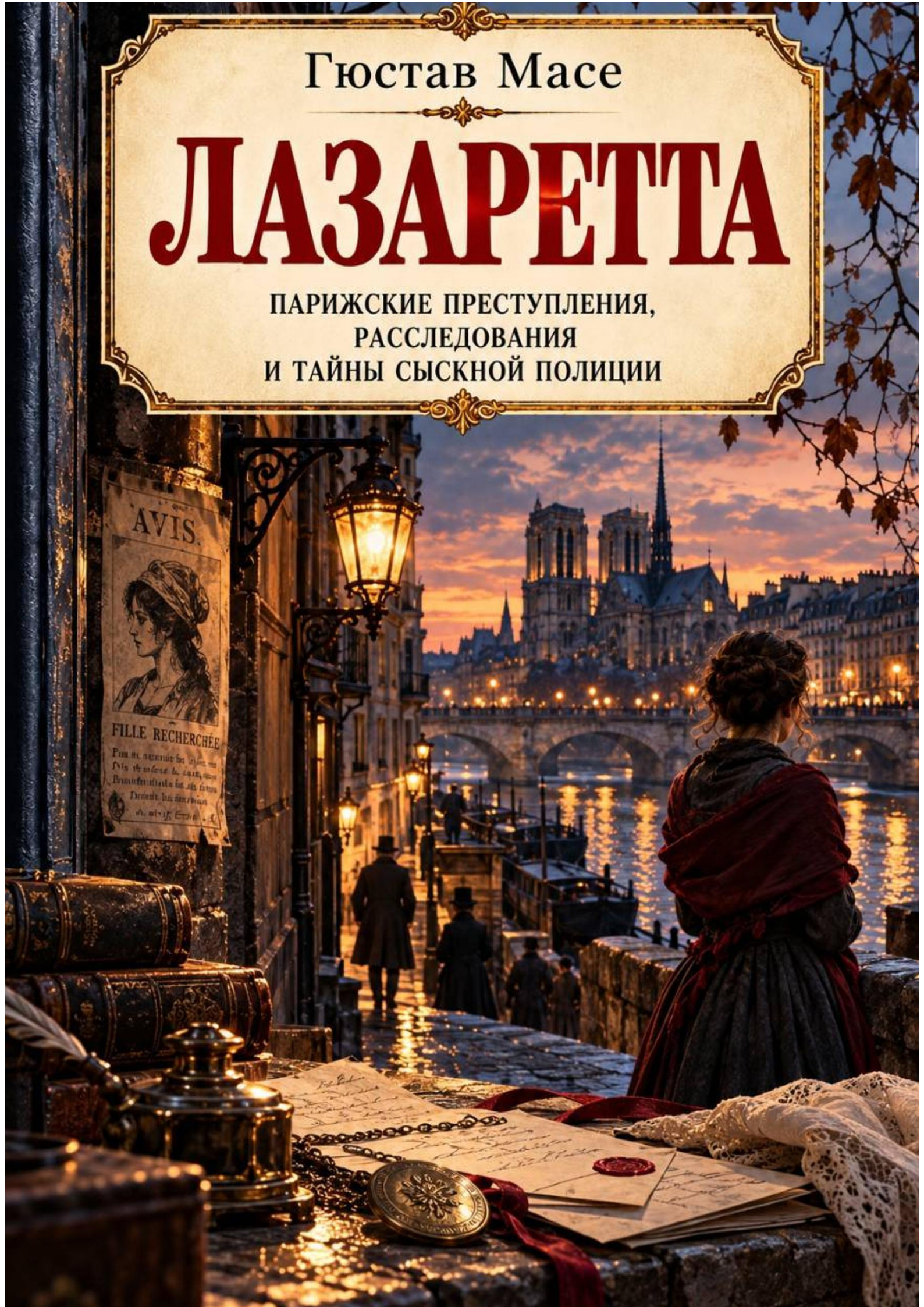
Гюстав Масе

ЛАЗАРЕТТА

ПАРИЖСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
РАССЛЕДОВАНИЯ
И ТАЙНЫ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ



Гюстав Масе

Лазаретта

«Автор»
2026

Масе Г.

Лазаретта / Г. Масе — «Автор», 2026

Франция конца XIX века. В тихой коммуне, где все знают друг друга, за благопристойными разговорами и семейными визитами скрываются зависть, расчёт и опасные тайны. Лазаретта молода, влюблена и верит, что впереди её ждёт счастье. Но достаточно одного подозрения, чтобы привычный мир рассыпался, а чужие слова обрели силу приговора.Гюстав Масе, бывший начальник парижской сыскной полиции, ведёт читателя по лабиринту человеческих страстей, полицейских расследований и судебных решений. Здесь улыбка может оказаться маской, искренность — уликой, а закон — испытанием для тех, кого он призван защищать. «Лазаретта» — напряжённая история любви и несправедливости, написанная человеком, знавшим изнутри механизмы правосудия. Роман о том, как легко потерять доброе имя и как трудно заставить истину быть услышанной. Оригинальное произведение является объектом общественного достояния

© Масе Г., 2026
© Автор, 2026

Гюстав Масе
Лазаретта

ЛАЗАРЕТТА

Г. ШАРПАНТЬЕ И Э. ФАСКЕЛЬ, ИЗДАТЕЛИ
Париж, улица Гренель, 11

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Изданы в «Библиотеке Шарпантье», по 3 франка 50 сантимов за том

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ:

Служба сыскной полиции (13-я тысяча) — 1 том.
Моё первое преступление (8-я тысяча) — 1 том.
Миленькое общество (21-я тысяча) — 1 том.
Дичь Сен-Лазара (14-я тысяча) — 1 том.
Мои понедельники в тюрьме (7-я тысяча) — 1 том.
Мой криминальный музей (9-я тысяча), с 34 иллюстрациями на отдельных листах — 1 том.

Г. МАСЕ

Бывший начальник службы сыскной полиции

ЛАЗАРЕТТА

ПАРИЖ
БИБЛИОТЕКА ШАРПАНТЬЕ
Улица Гренель, 11
Все права сохранены.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первые документальные труды, опубликованные под рубрикой «Парижская полиция», предназначались людям, занимающимся великим вопросом нравственных реформ. Мы не можем в достаточной мере отблагодарить их за снисходительность, которой обязаны своим успехом, поскольку многие улучшения, которых прежде тщетно добивались, были осуществлены.

Новая серия томов, которую мы начинаем сегодня, посвящена вопросам, относящимся к нашим прежним служебным обязанностям, и «преступлениям на почве страсти», большинство которых не было доведено до сведения публики; её достоинство будет состоять в том, что читать её смогут все слои общества.

Лазаретта, жертва судебной ошибки, — простой, трогательный образ; её история — любовная драма.

Шампиньи, март 1891 года.

ЛАЗАРЕТТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Господин Фуашо

«Заседание открыто», — провозглашает мэр, господин Фуашо, занимая председательское кресло, в котором этот мнимый демократ восседает, раздувается и возвышается над членами Совета во весь рост своего круглого туловища, соединённого короткими ногами с самыми замечательными плоскими ступнями, какие когда-либо покрывали поверхность широкого табурета. Его громкий, гнусавый голос довершает сходство, которое придаёт ему пере-

вязь, с толстым трёхцветным мирлитоном. Благородная перевязь! Фетиш мелких честолюбцев, Фуашо, вольнодумец, надевает её, словно священнодействуя, и клянётся ею так, как ещё клялись бы своими предками, если бы Революция не уравняла сословия и не сделала всех французов равными перед законом — включая чиновников.

— Заседание открыто, — повторяет он, ударяя священным молоточком, который кладёт под руку. Прежде чем приступить к поимённой перекличке, позвольте мне, дорогие коллеги, объяснить отсутствие моих заместителей: первый присутствует на похоронной церемонии, второй — на свадьбе; Фине, передайте мне, пожалуйста, их письма с извинениями.

Худощавый человек с лисьими манерами, сидевший позади мэра, положив локти на узкий низкий столик и зажав подбородок между расставленными большими пальцами рук, меняет позу, перелистывает папку и молча передаёт требуемые бумаги.

— Незачем тратить время на чтение подобных писем; время — деньги, — говорит старейший из советников, крепкий, слегка сутулый старик, чьё лицо, узкое, как лезвие ножа, представляет собой тип фермера, неутомимого в труде и беспощадного в погоне за наживой.

— Вам не давали слова, господин Вермон, — восклицает Фуашо, — и я его у вас отнимаю.

— Слишком поздно, — отвечает Жервиль, земледелец, весьма сведущий в делах коммуны и особенно в собственных.

Крепкого сложения, Жервиль хорошо сохранился для своих пятидесяти пяти лет. Его голова покоится на апоплексической шее и выдаёт сварливый нрав. Его прищуренные глаза не боятся света и служат ему на охоте для прицеливания в добычу столь же исправно, как тонкие, впалые, крепкие, словно крылья майского жука, ноздри необходимы ему, чтобы её вынюхивать. Бороды он не носит. На его невысокий лоб надвигаются густые седые волосы, подстриженные ёжиком, которые усиливают суровое выражение его беззубого рта. Противник Вермона, он соперничает с ним и в убеждениях, и в богатстве. Эти два народных избранника оспаривают друг у друга должность мэра, которую преисполненный гордости Фуашо удерживает благодаря чуду равновесия.

— Знайте, господин Жервиль, — говорит мэр, довольный возможностью дать почувствовать свою власть, — что никогда не бывает слишком поздно, когда речь идёт о применении регламента. Я родился светским человеком, ибо был таковым ещё в материнской утробе, и люблю свободу, равенство, братство.

— Или смерть, — бросает Вермон, — единственное абсолютное равенство.

— Следует ли читать письма? — спрашивает Фуашо.

— Нет!.. Нет!..

Таков всеобщий возглас.

Мэр приступает к перекличке.

Самый молодой из советников, исполняющий обязанности секретаря, зачитывает протокол предыдущего заседания; протокол принимают.

Фуашо вооружается молоточком, наносит три сухих удара, берёт свою табакерку, прозванную «крысиным хвостом», трижды берёт из неё табак, втягивает его носом и кладёт табакерку неподалёку от молоточка.

— В повестке дня, — объявляет он, — значится только одна важная жалоба, касающаяся фонтана.

— Это уж совсем нелепо, — говорит Вермон, — устраивать фонтан ниже общественной прачечной.

— Прачечную уберут, — насмешливо замечает Жервиль.

— Не говорите глупостей!

— Я предпочитаю их говорить, а не делать. Из духа противоречия вы голосовали против меня и добились устройства этого фонтана, а я имею право обсуждать, где его разместить.

Фине потирает руки.

Несколько советников, довольных тем, что их коллеги сцепились, придвигают стулья к столу, покрытому традиционным зелёным сукном, и готовятся наслаждаться зрелищем.

— Положение ухудшается, — изрекает Фуашо назидательным тоном, — кому это не известно? — Никому; ну так вот, кажется, об этом заботятся так же, как... как...

Продолжение фразы ускользает от него; он ищет его, кашляет, сплёвывает, заикается; бессвязные слоги замирают на его губах. Фине, который обычно подсказывает ему слова, жуёт карандаш. Не получив помощи, оратор вытаскивает из кармана кошелёк, набитый мелкими монетами, и бросает его на стол, чтобы, так сказать, придать вес своей мысли.

— Ах! — произносит он, — теперь мне полегчало.

По аудитории пробегает веселье, Фуашо теряется, вновь обретает самообладание и продолжает:

— Коммуна доверила нам свои интересы, будем достойны этого поручения и исполним его с бдительностью, честностью и... и... Энергией!

Размахнувшись молоточком, он затем опускает его, ругаясь:

— Чёрт бы побрал, будем меньше придираться и закрепим фонтан!

— Удастся ли вообще его установить? — осторожно замечает советник-секретарь.

— Всякая уважающая себя деревня, — говорит Жервиль, — требует фонтана в центре селения, а не в полях.

— Каждый проповедует в свою пользу, — бормочет Вермон.

— Это небольшое сооружение на площади, — продолжает Жервиль, — придало бы моему дому более красивый вид, признаюсь; но если кто-нибудь думает подшутить надо мной, установив его возле фермы Паржади, то ошибается: у меня превосходный колодец.

— У меня тоже, — возражает Вермон.

Фуашо, который размахивает молоточком, наносит ещё три удара, передвигает табакерку, достаёт из жилетного кармана нож, отправляет его к кошельку и заявляет, что тайное голосование положит конец разногласиям.

Бюллетени для голосования кладут в шляпу. Подсчёт проводится, и выясняется, что большинства нет. Второй тур голосования даёт тот же результат.

Под предлогом всеобщего примирения Фуашо встаёт, горячится, опустошает карманы, и к табакерке, кошельку и ножу один за другим присоединяются коробок спичек, штопор, бечёвка и связка ключей.

— К чёрту голосование! — кричит он.

И, схватив молоточек, начинает орудовать им, словно ящичный мастер-упаковщик за работой.

Запыхавшись, он вновь падает в объятия своего кресла.

— Что за шум! Что за гам! Из-за какого-то проклятого фонтана! — орёт фермер, стараясь, чтобы его услышали; — обходились без него, обойдёмся и дальше! Будем экономить!

— Скупец! — восклицает земледелец.

Посреди шума он добавляет, обращаясь к коллегам:

— Позорно видеть, как целое селение довольствуется тем, что остаётся самым дном департамента!

— Дном! Дном! — повторяет мэр, — господин Жервиль, вы уводите обсуждение в сторону; призываю вас к порядку.

Говоря это, он накрывает груду принадлежностей, которые только что выложил на стол, носовым платком в сине-жёлтую клетку, усеянным коричневыми арабесками и пропитанным запахом табака, и, воспользовавшись затишьем, торопится произнести свою речь:

— Выйдя из материнского тела, я был светским человеком, и я верю, не веря, стараясь передать вам убеждения, которые сам стремлюсь обрести. Сейчас вы узнаете, до какой степени я либерален и уважаю всеобщее избирательное право...

Возгласы «о! о!» приветствуют это заявление.

— Выслушайте мои объяснения: совет разделился на две равные части... Это мне мешает, а я привык избавляться от всего, что мне мешает. По примеру царя Лосося я сейчас вынесу решение.

— Решение? — перебивает Жервиль.

— Да, сударь, это моё право. Я сам предоставил себе слово. Итак, я говорил... Что же я говорил?.. Ах! Я отменяю выборы фонтана; что касается предназначавшейся для него суммы, она может пойти на содержание пожарных насосов.

Фуашо подчёркивает это заявление, стремительно сняв с себя галстук и обмотав его вокруг чернильницы.

— Ваши объяснения ничего не объясняют, — заявляет Жервиль, — а то, что вы только что сделали, незаконно, поскольку ваше решение не имеет никакой силы.

— Я поступаю как добрый отец семейства; мои избиратели и префект оценят мои действия.

— О дереве судят по его плодам, а ваши плоды пусты. Ваш способ управлять делами коммуны нелеп. Возьмём для примера пожарные гидранты: после их установки выясняется, что соединительные части пожарных рукавов к ним не подходят. Прекрасный успех, нечего сказать!

— Ну и что? У канализации тоже нет нужного уклона; она отравляет воздух, но всё же служит.

— Во время гроз.

Вермон торжествует, два его врага обмениваются резкостями и угрожают друг другу жестами; он старается ещё больше распалить их, обращаясь к своим коллегам.

— Беру вас в свидетели, — говорит он им, — я не хотел ни канализации, ни насосов, ненужных больших расходов ради нескольких бурь и какого-нибудь случайного пожара...

— Легко обходиться без помощи, — язвительно возражает Жервиль, — когда страховое общество возмещает втрое больше стоимости старой лачуги, сданной внаём мадемуазель Вилен.

И он лукаво добавляет:

— Горит не всегда то, от чего хотят избавиться.

На этот прямой намёк фермер восклицает:

— Вы меня оскорбляете! Напротив, этот пожар меня разоряет, и я не принадлежу к тем, кто без зазрения совести наживается на бедствиях.

— Опять личная перебранка! — укоряет Фуашо. — Я закрываю заседание.

— Но, — возражает ему советник-секретарь, — какое постановление я должен занести в протокол?

Мэр, вновь повязав галстук, подобрав носовой платок и прочие предметы, извлечённые из карманов, отвечает:

— Протокол... протокол... внесите в него такое предупреждение для жителей коммуны:

«Мэр надеется, что прекратятся перебранки о фонтане, канализации и пожарных гидрантах, ибо обсуждение грозит затянуться вплоть до полного сгорания муниципального совета».

ГЛАВА II

Лазаретта и Пьер

Среди семидесяти четырёх коммун, составляющих департамент Сены, та, которой посчастливилось иметь мэром господина Фуашо, — одна из самых красивых. Церковь, школа, жандармерия, здание муниципалитета и буржуазный особняк Жервиля окружают её площадь,

оживляющуюся лишь в дни праздников, базаров и голосований. Главная улица уходит под сень леса и превращается в государственную дорогу, миновав ограду Паржардис — большой фермы, хорошо известной пейзажистам, которых любовь к природе и живописным местам приводит туда, где ещё не проложены рельсовые пути. Капризная и коварная река Марна извивается посреди восхитительной долины, обрамляя многочисленные зелёные островки, укромные гнёздышки, милые сердцу влюблённых. Фруктовые деревья покрывают холмы вокруг деревни; а с возвышенности широкий, необъятный горизонт позволяет художникам и путешественникам любоваться закатами.

Уже месяц Морис Дебюсси жил на ферме в качестве пансионера. Он поселился там по совету своего двоюродного брата, полицейского комиссара этого округа. Служанка Катрин, крупная, цветущая девица, встретила его довольно неприветливо; Паржади, где хозяйничали Вермоны, её господа, совсем не походили на постоялый двор; тем не менее она согласилась подавать ему кое-какую пищу; и, поскольку благодаря своей весёлости, бескорыстию, откровенности и заразительной простоте в обращении он сумел расположить к себе хозяев, он занял место некоего Сансонне, также художника, которого очаровали эти места.

Честный, доверчивый, мало знакомый с уловками, хитростями и ухищрениями некоторых сельских жителей, которых ему предстояло изучать с натуры, Морис пользовался свободой, предоставленной ему матерью, польщённой дарованием юного сына и снисходительной к его причудливым вкусам, чтобы жить вдали от парижской толпы и шума. Жизнь улыбалась ему, поскольку он ещё не знал её невзгод. Не будучи кутилой, он по прихоти, целыми периодами, развлекался со своими товарищами по Школе изящных искусств; однако деревенская простота казалась ему идеалом счастья. Его воображение окружало предместья столицы чарующим ореолом.

Однажды сентябрьским днём, сидя за густыми кустами, он заканчивал картину. «Какой восхитительный вид, — думал он, — как бы мне хотелось суметь воспроизвести всю его красоту. Я приближаюсь к природе, но ещё не овладел ею. Моя мать обрадуется этой картине, которой недостаёт лишь человеческих фигур».

Художник снова взял на время отложенные кисти и увидел приближающегося господина Фуашо в сопровождении Фине, секретаря мэрии, и нескольких муниципальных советников.

— Эта группа, — сказал он себе, — не может служить мне моделью: составляющие её люди скорее похожи на эпилептиков, сбежавших из лечебницы, нежели на представителей власти. Спор идёт бурный. Лучше не показываться им на глаза.

Художник вернулся к работе.

Избранники всеобщего голосования остановились возле группы деревьев.

Фуашо, указав Фине на Жервиля и Вермона, воскликнул:

— Мы никогда не договоримся! Кому верить из этих двух упрямцев?

— Ни тому ни другому, — ответил Фине; — и поскольку вы поручили мне обучить вас обязанностям муниципального должностного лица, советую предоставить им драться между собой: это лучший способ обрести покой.

— Необходимо ли, — заявил Вермон, — устанавливать указатель на окраине деревни?

— Нет; сто раз нет!.. Достаточно виселицы. С тех пор как стали нумеровать дома, вошло в моду развешивать вывески повсюду и без всякой надобности; я против этой.

— А я настаиваю, — возразил Жервиль.

— Как и в случае с ручьём, который течёт поперёк улицы, вместо того чтобы идти вдоль тротуаров?.. Мне надоело ваше вечное противодействие, и я больше не желаю состоять в дорожной комиссии.

— Я тоже.

— Как председатель этой комиссии я прошу вас, — сказал Фуашо, — прекратить ваши препирательства и ещё сегодня действовать, чтобы закончить расследование, ради которого Фине изучил труп.

— Какой труп? — изумлённо спросил секретарь.

— По поводу этих старых пней.

— Кадастр? — Да, господин мэр. Они принадлежат коммуне.

— Согласны ли вы, господа советники, заменить эти древесные стволы скамейками?

Жервиль говорит: «Да», Вермон отрицательно качает головой; их коллеги хранят молчание.

Тогда Фуашо обращается к последним:

— Я знаю ваше мнение... Вы истинные сутенёры свободы...

Фине дёргает начальника за рукав и тихо подсказывает ему: «Опоры».

Фуашот продолжает:

— ...Опоры свободы, вы не имеете предубеждений, и ваша воля... ваша воля...

— Подчиняется вашей, — заканчивает Вермон.

— Не говорите только ради того, чтобы что-нибудь сказать, — шепчет Фине Фуашо.

— Это верно... И поскольку мы не сошлись во мнениях, отправимся, согласно программе, осмотреть работы на просёлочной дороге, пересекающей земли вдовы Матьё.

— Который час? — спрашивает Фине.

— Не знаю, — отвечает мэр, трижды встряхнув, причём в три отдельных приёма, большие серебряные часы.

— Вы испортите свою луковицу!

— Луковицу, этот великолепный крохометр, подарок моей последней жены?.. Он отбивает часы.

— А на минутах останавливается.

Советники удаляются, не заметив сквозь просветы между деревьями пары, медленно идущей к месту, выбранному художником.

Лазаретта и Пьер, уроженцы этих мест, получили образование лучше того, какое обычно дают сельским детям. Будучи на пять лет моложе своего товарища, мадемуазель Жервиль благодаря прилежанию и уму получала в школе первые награды на кантональных состязаниях. Её мать, жена разбогатевшего земледельца, никогда не позволяла ей заниматься тяжёлой работой; девушка со вкусом шила и так же одевалась. Простительное для хорошенькой девушки кокетство, чистый лоб, голубые глаза, сиявшие искренностью, и приветливый вид привлекали к ней множество женихов; длинные каштановые волосы дополняли чары, которыми Пьер был безумно пленён. По правде говоря, она ничем не пренебрегала, чтобы заслужить любовь этого друга детства; она искренне им восхищалась, находя его красивым, высоким, хорошо сложённым и превосходящим обычных поклонников храбростью, образованием, поведением, хорошими отзывами и званием сержант-майора, полученным в полку.

Стоя так близко друг к другу, они составляли под этим зелёным сводом самую прелестную пару в мире: она — в корсаже, выдававшем сильное волнение, он — с разгорячённым лицом, протянутыми к ней губами, умоляющими и чувственными.

— Оставьте меня, умоляю вас, — говорила Лазаретта, отводя от своей талии дерзкую руку.

Она села на пень и положила на него букет будры плющевидной, который несла.

— Теперь меньше, чем когда-либо, — ответил Пьер. — Зачем запрещать мне приближаться к вам, говорить с вами, любить вас?

— Не будем заходить так далеко и постараемся понять друг друга.

— Я только этого и желаю.

Он снял шляпу и опустился на колени.

Очаровательным голосом она продолжала:

— Прежде всего обещайте больше не быть подозрительным. Ваше несправедливое недоверие уже делает меня несчастной, хотя мы ещё даже не соединили наши судьбы...

— За вами ухаживают другие, более смелые, более богатые, более свободные, чем я; я боюсь потерять вас и стерегу, словно драгоценное сокровище.

— Успокойтесь, я буду вас ждать.

— Терпению есть предел.

— Разве моя вина, что ваш дядя постоянно откладывает передачу своей фермы? Я начинаю сомневаться в его обещаниях, а мои родители не стесняются говорить, что лишь наследство позволит вам получить хоть что-нибудь от Вермонов.

— Увы! Напрасно я им поверил. Стать независимым благодаря своему положению и осуществить самое дорогое из моих желаний — это было слишком прекрасно! Сегодня я думаю, что они никогда не согласятся увидеть нас на своём месте.

Лазаретта хотела подняться. Пьер заставил её остаться сидеть.

— Об этом было условлено, и меня удивляет такое отсутствие добросовестности.

— Мой дядя не берёт слова обратно, он тянет время. Послушать его, так, уступив мне хозяйство, он сам останется без гроша, и чем сильнее он видит мою любовь и тревогу, тем крепче держится за ферму, ставшую для меня вопросом жизни или смерти. Ах, Лазаретта, мне ни в чём не везёт; я родился под несчастливой звездой.

— И я хочу отвратить её злое влияние. Меньше гордости и немного больше настойчивости могли бы расположить вашего дядю к вам.

— Или окончательно погубить меня в его глазах.

— Попробуйте ещё раз; я ведь стою маленькой жертвы. Если бы я хоть что-нибудь могла... Но моё бессилие приводит меня в отчаяние, и моя мать, тронутая моими слезами, напрасно защищала наше дело; отец мой непреклонен и согласится принять вас в зятья лишь тогда, когда вы станете арендатором или собственником Паржади.

— Однако он не может не знать, что я им стану.

— Вермоны, — утверждает он, — крепки, как дубы, а Пьер в конце концов всего лишь их внучатый племянник.

— Неужели он считает их способными лишить меня наследства? У дяди сильная воля, он легко выходит из себя, а возраст делает его врагом молодости и прогресса; но приписывать ему намерение совершить такую низость — значит дурно о нём судить.

— Его воля — всего лишь упрямство.

— Не будь этого упрямства, которым страдает и ваш отец, мы были бы счастливы.

— Вы проявили слишком много щепетильности, почти смешной.

— Лазаретта...

— После того как вы спасли мне жизнь, вам нетрудно было бы добиться моей руки.

— Я медлил, надеясь, что перемирие между вашим отцом и моим дядей облегчит переговоры. Их обычные ссоры в муниципальном совете углубляют разделяющую их пропасть, и вот уже три года, три лучших года нашей жизни, потеряны.

— Я отчаиваюсь.

— Вы покидаете меня и хотите, чтобы я оставался хладнокровным, когда в вашем доме принимают других женихов?

— Они не представляют опасности.

— Я назойлив, ревнив — пусть так! Но отчего ваши глаза так нежны, как васильки, ваши губы так ярки, как маки, а зубы так белы, как маргаритки наших лугов? Отчего вы свежи и прелестны, словно полевой букет? Отчего вы так добры и совершенны?

— Соблазнитель!

— Я люблю вас; ах, если бы вы знали как! Это одновременно уважение, желание, безумное опьянение, которое обращается в страдание, когда всё моё существо зовёт вас. Если бы вы принадлежали мне, моя жизнь оказалась бы слишком короткой, чтобы наполнить вашу восторгами.

Лазаретта вздрогнула. Пьер взял её за руку и продолжил нежнее:

— Отчего вас охватывает страх? Разве я не делил с вами ваши игры, награды и детские наказания? Эта общность существует и в наших нынешних испытаниях, она объединит и наши радости. Разве я предлагаю вам какую-то неизвестную жизнь? Нет. Это та же самая жизнь, продолженная и украшенная.

— Вы сама опасность; слушая вас, я потеряла бы голову и могла бы ответить... что мои мысли и сердце принадлежат вам.

— Правда?

— Правда.

— Ты приводишь меня в восторг.

— Не говорите мне «ты».

— Кажется, от этого любишь друг друга сильнее. Прежде мы так и говорили.

— Мы были детьми. С тех пор как вы стали солдатом, отец запретил мне всякую фамильярность.

— Вот как выгодна военная служба!..

— По возвращении то, что потеряно с одной стороны, приобретается с другой. Хотели бы вы, чтобы вас любили как маленького товарища?

Они поднялись.

— Милая моя, подарите мне хотя бы один поцелуй?

— Я не выдаю задатка... До свидания. Эти лекарственные растения нужно отнести нашей соседке, вдове Матьё; надо иметь дурное сердце, чтобы заставлять страдальцев томиться в ожидании.

Она удалилась, поручив Пьеру в тот же вечер предпринять новую попытку переговорить с дядей.

Влюблённые покинули большие деревья, укрывавшие их признания, не замечая, как рядом с ними чистая вода родника журчала свою бесконечную песню и как птицы начинали собираться вместе с приближением сумерек. Густой мох, переливавшийся оттенками от бледно-зелёного до тёмно-рыжего, образовывал ковёр, а жеруха, покрывавшая камни, пропускала нежно журчащую воду через тысячу препятствий, расставленных рукой непревзойдённого художника в её бескрайнем просторе и бесконечном многообразии подробностей. Но ни родник, ни птицы, ни мхи не привлекли внимания несчастной пары, которая, сама того не сознавая, только что дала Морису фигуры, которых ему недоставало.

— Я увидел уголок рая, — размышлял художник, заканчивая запечатлевать свои впечатления на полотне; — всё гармонично: дальний план, небо, влюблённые. Я узнал племянника моих сельских хозяев, но не знаю его прекрасной возлюбленной. Среди великолепной растительности они клянутся друг другу в вечной любви... О вера! что ты такое, если не совершенное счастье?

И в грёзах, которыми ему нравилось украшать действительность, художнику почудился неповторимый звук того нежной ласки, которого Пьер так и не сумел добиться.

Солнце быстро клонилось к закату; его последний золотой луч окутал родник и исчез в извилистых складках речного течения.

Морис пребывал в задумчивости; шелест сухих листьев и треск ломавшихся ветвей вывели его из мечтаний; он обернулся.

— А, это вы? — равнодушно произнёс он.

— Да, сударь, — ответил Анри, работник фермы. — Я принёс хозяйке хворост.

— В Паржади его не хватает?

— Крупных поленьев заготовлено достаточно, а вот мелкого топлива недостаёт.

— Вы кажетесь утомлённым?

— К концу дня я совсем разбит.

— Однако деревня укрепляет силы; с тех пор как я здесь живу, я словно заново родился.

— Долго ли вы тут останетесь?

— Пока буду находить здесь живописные виды, неожиданности, множество вещей, которые хочется набросать.

— Набросать?

— Это значит «нарисовать».

Морис показал свою картину.

— Юбка Лазаретты в синих полосках! — воскликнул Анри. — Во всей деревне только она носит такие красивые юбки. А Пьер со своей широкополой шляпой? Как же они похожи!

— Тем лучше, — сказал художник, обрадованный этим простодушным свидетельством восхищения.

— По-моему, вид у них чересчур довольный.

— Не понимаю.

— Они обожают друг друга, а обстоятельства обрекают их ждать без конца.

— Я видел их такими счастливыми...

— Всё их разлучает. Вермоны стары, и ферма, которую прежде ставили в пример, стала неузнаваемой. Хозяин никому не уступает ни крупицы своей власти и, считая себя ещё крепким, даже не заменяет уходящих работников. Работа идёт по привычке, одинаково плохо и в доме, и вне его. Пьер, получивший образование в области сельского хозяйства, хотел бы идти в ногу с прогрессом; но его усилия не могут привести в движение старую машину, колёса которой упорно отказываются смазывать. Дядя осаживает его при каждом шаге вперёд, и он изнывает, наблюдая, как приходит в упадок имущество, которое должно достаться ему. Если бы старики согласились жить на свои доходы, он женился бы на Лазаретте, а хозяйство вновь достигло бы прежнего процветания.

— Почему бы молодым людям сперва не пожениться?

— Сразу видно, что вы парижанин и не знаете деревенских жителей. Жервили, родители барышни, желают, чтобы их будущий зять сначала стал арендатором фермы, а поскольку отец девушки столь же упрям, как дядя юноши...

— Влюблённые обречены на безбрачие. А госпожи Вермон и Жервиль имеют влияние на своих мужей?

— Никакого. Хозяйка фермы, добрая и набожная женщина, во всём полагается на мужа, который взял на себя управление их общим достоянием. Недоверчивый, он повсюду видит воров; лишь смерть сломит волю, которой ничто не способно противостоять и которая устремлена к единственной цели — владеть землёй и золотом. Что касается госпожи Жервиль, она была бы счастлива увидеть Лазаретту замужем за Пьером, но умеет лишь повиноваться и дрожать перед приказами мужа, выбравшего из многочисленных поклонников дочери некоего господина Жюля Бреванна, торговца вином в Берси, чей отец владеет обширными лесами в Вогезах. Жервиль любит охоту, и Бреванны умеют ловко пользоваться этой страстью.

— Значит, за его противодействием Пьеру скрывается личный расчёт?

— Ничего другого.

— Скажите молодому Вермону, что я хочу поговорить с ним сегодня перед ужином. Вы были бы рады, если бы он стал арендатором фермы?

— В восторге!

Анри потуже стянул свою вязанку и показал художнику на женщину, направлявшуюся к ним.

— Вот эта, — заметил он, — знает всё, что происходит в наших местах; ей известна вся подноготная жителей.

— Эта старуха?

— Старая дева, прокисшая, точно уксус, живущая на скромную пенсию бывшей начальницы почтового отделения. Из экономии она носит одежду, чёрную, как вороново крыло. Её называют Вилен, Сорокой, Совой за её предсказания, за её наряд и ещё больше за глаза, похожие на глаза неясыти. Она слывёт ведьмой.

— Она насылает порчу?

— О нет!

— Гадает на счастье?

— Без карт... Стоит ей взглянуть на лицо.

— А вы ей верите?

— На слово. Однажды я пожаловался ей, что Катрин, наша служанка, отказывается выйти за меня замуж. «Судьба правит миром, — ответила она мне, — и несчастье других принесёт тебе счастье; жди». Я не совсем понял её и потому ограничиваюсь тем, что смотрю туда, где встаёт солнце, и туда, где оно садится.

Художник поклонился мадемуазель Вилен. Она ответила на поклон и обратилась к работнику фермы:

— Что ты здесь делаешь, бездельник?

— Отдыхаю.

— И болтаешь?

— О ферме.

— Ферма приходит в упадок. Этьен Вермон не сознаёт, что сам тому причиной.

— Он отказывает нам в необходимом для полевых работ инвентаре и заставляет брать воду из пруда, до того плох наш колодец. Он постоянно угрожает; не зная, как себя вести, мы с Катрин собираемся от него уйти.

— Оставайся в Паржади и позволь Судьбе вести тебя.

— Благодарю, Судьба. До свидания, мадемуазель. Господин Морис, я исполню ваше поручение.

Дебюсси, укладывая свои живописные принадлежности, слушал разговор между мадемуазель Вилен и Анри. После ухода работника он подошёл к жившей на пенсию даме.

— Говорят, мадемуазель, что вы ненавидите весь свет?

— Не то чтобы весь свет, но злые языки, которые называют меня старой совой.

— Анри этого не говорил.

— Славный малый! Его лицо дышит честностью.

— Вы судите о людях по внешности?

— За неимением возможности судить их по поступкам. Человеческий род со своей глупостью, трусостью, ложью и ненавистью сделал меня отшельницей; я ни к кому не стремлюсь, но тех, кто ко мне приходит, принимаю радушно.

Морис слегка улыбнулся и сказал:

— Вот я и пришёл к вам, взгляните на меня и не бойтесь высказать своё мнение обо мне.

Мадемуазель Вилен пристально посмотрела на него и ответила без малейшего колебания:

— Вы слишком услужливы, и вам придётся исправиться от этого качества.

— Отказаться от радости быть полезным?.. Никогда. Я свободен, богат, мои деньги входят в дверь и выходят в окно; я нисколько не дорожу их развращающей властью.

— Каждый из нас стремится к цели, которой не достигает. Рабы судьбы, люди мечутся и напрасно борются. Делать добро часто всего лишь привычка, лучше было бы делать его осмотрительно; поверьте мне, не поддавайтесь первому порыву, который принесёт вам только неблагодарность и неприятности.

— Вы фаталистка?

— Вода течёт под уклон, и я остаюсь убеждённой, что всему приходит своё время.

— Цвет костюма мадемуазель Вилен влияет на её пророчества.

— Возможно, но Судьба преподаёт уроки самым недоверчивым, а те, кому вы помогаете...

— Чувствуют себя прекрасно, — перебил художник. — Я стараюсь увеличить их число, Пьер меня интересует, считаете ли вы его тоже славным малым?

— Я уважаю и жалею его. Его вступление в жизнь отмечено чёрным крестом: с четырёхлетнего возраста он остался сиротой, и мы едва не погибли вместе.

— Вы становитесь трагичны.

— Гораздо меньше, чем события, которые порой делают нас такими, какими мы никогда не хотели бы стать. Величайшее счастье, какое Провидение оставило людям, — неведение будущего. Выслушайте меня, не перебивая:

Сестра Пьера, которая была на пятнадцать лет старше него, вышла тем утром замуж, и я присутствовала на пиршестве, устроенном под большим навесом. Все пели и смеялись, не думая о том, что шум может расшатать строение, давно грозившее рухнуть. Вдруг страшный треск заглушил веселье; мужчины и женщины в ужасе переглянулись. Раздался второй толчок, и крыша обрушилась. Угол, в котором я спряталась, увлекая за собой детей, устоял. Пьер, вцепившийся в моё платье, больше не хотел меня отпускать; с той минуты мне казалось, что я стала его защитницей. В этой ужасной катастрофе он увидел, как обломки погребли всю его семью, кроме Вермонов, которых болезнь задержала дома. Пьера приютили в Паржади и, воспитывая его, не упускали случая сурово напомнить ему об этом. Сколько раз я утешала его, когда он видел, как мать ласкает одного из его маленьких товарищей; эти ласки вызывали у него зависть.

— Должно быть, это чувство мало-помалу укоренилось в его характере.

— Оно усиливается. Как только он ощутил первые приступы любви, он бросился к ногам Лазаретты, надеясь излить накопленные сокровища нежности. Он лишь умножил свои печали.

— Мадемуазель, вы кажетесь мне доброй. Пьер интересовал меня прежде, теперь я к нему привязан и уверен, что, несмотря на ваши замечания относительно услуг, которые я люблю оказывать, вы поступили бы так же.

— У меня другое положение: обязательства, нечто вроде рока, связывают меня с Пьером. Когда огонь пожирал моё жилище, я находилась с Лазареттой, и он проявил сверхчеловеческую храбрость, вырывая нас из пламени.

— Теперь меня уже не удивляет взаимная склонность молодых людей; я постараюсь преодолеть препятствия, которые чинят их браку.

— Этьен Вермон обладает в высшей степени хитростью старого крестьянина. Стараясь устроить счастье этих влюблённых, берегитесь навлечь на них новые опасности. Над Паржади сгущается гроза.

ГЛАВА III

Двойная клятва

Пьер думал об обещании, которое только что дал, и о самом ловком способе исполнить его с надеждой на успех. «Меня отдаляют от Лазаретты, — говорил он себе, — я это чувствую и предвижу, что она устанет ждать... Если она поддастся влиянию отца и выберет другого мужа... у меня не хватит сил это вынести... Нет, нет... она устоит... Я хочу, чтобы она принадлежала мне!»

Дав самому себе такое обязательство, он пришёл в Паржади. Его дядя сидел на деревянной скамье у стены дома. Время от времени он поднимал голову, чтобы с удовольствием поглядеть на огромные золотистые гроздья, свисавшие с виноградной беседки. Казалось, дым его трубки лёгкими завитками нёс к ним самые приятные его мысли.

Этьен Вермон наслаждался последними днями хорошо прожитой жизни и теми редкими радостями, какие земля оставляет старикам. После денег и Мариетты, его верной спутницы, любовь к ферме довершала полноту его сердца.

Паржади принадлежала к числу обширных, простых усадеб, построенных по обычаю минувшего века. Вдоль пустынной, плохо содержавшейся дороги тянулась длинная стена, посередине которой были устроены ворота для повозок, открывавшие доступ в квадратный двор. В глубине двора стояло главное здание, которое сельскохозяйственные нужды превратили в амбары. Оно имело этаж над первым и соединялось с двумя подобными постройками, образовавшими крылья и доходившими до стены со стороны улицы. Левое крыло занимали хозяева фермы и их слуги; в правом находились конюшни, хлевы, птичий двор, крольчатники и голубятня.

Почти посередине двора каштан рядом с колодцем, имевшим низкий каменный бортик, осенял своей тенью неподвижный стол, за которым в хорошее время года ели. Кусты бересклета, посаженные полукругом, наполовину его скрывали. Широкая арка в центральном здании вела в плодовый сад, окружённый полями и виноградниками. Пруд напротив ворот, с другой стороны фермы, доставлял удовольствие нескольким уткам.

Тишину двора нарушало лишь однообразное кудахтанье кур, бродивших тут и там; чёрная кошка мурлыкала на связках соломы, а Медор, добрый пёс с умными глазами, лежавший у ног хозяина, разделял его покой, когда Пьер уселся рядом с ним. Не привыкнув так рано оставлять работу, он ожидал неприятного замечания. Молчание фермера вынудило его заговорить первым. И тогда, не найдя ничего, кроме банальности, он, за отсутствием дождя, заговорил о хорошей погоде.

— Что у тебя за странный вид? — спросил дядя.

— Вам так кажется?

— Ты что-то от меня скрываешь. Это возвращение засветло, твоя неспособность пошевелить языком, даже твоя шляпа, которой ты не знаешь куда деть, — всё это не сулит ничего весёлого... Опять что-нибудь сломалось в повозке, а?

— Успокойтесь, никакой несчастный случай меня сюда не привёл.

Старик перевёл дух, вновь взял трубку, которую отложил от беспокойства, закрыл глаза и спросил с видом полнейшего равнодушия:

— Не заболел ли ты?

— Ей-богу, нет... Я позволил себе немного отдохнуть от работы, чтобы поздравить вас с именинами.

— Ты явился не поздно, и раз уж намерен быть мне приятным, сделай другое лицо.

— От вас зависит прогнать мою печаль.

— Чего ты хочешь?.. Если то, о чём просишь, возможно, я тебе это дам.

— Моё желание разумно... Мне стыдно собственной робости.

— Ну, говори.

— Видите ли! — с трудом произнёс Пьер, — я встретился с Лазареттой, и её родители хотят запретить мне видеться с ней.

— Вот как?

— Уже несколько раз они давали мне понять, что при моём нынешнем положении не согласятся выдать её за меня.

— Они неправы. Если положить на весы их деньги и мои, тяжёлая чаша окажется с моей стороны. Разве ты не мой наследник, как Лазаретта — их наследница? В мои годы детей уже не бывает, — прибавил он с лукавой улыбкой. Сделавшись их зятем, ты покинул бы меня; а ведь ты мне полезен, если не необходим; я ничуть не заинтересован в твоём отъезде, однако согласен на него.

— Есть способ удержать меня.

— Какой?

— Уступите мне ферму. Я крепкий работник, настоящий земледелец, привязанный к земле, как вы говорите; Лазаретта способна и умна, мы будем преуспевать, а вам будет выплачиваться всё сполна, клянусь вам.

— И это всё? — сурово спросил Этьен Вермон.

Пьер кивнул и стал ждать.

Фермер поднялся, положил трубку и, глядя на племянника, сказал, скрестив руки:

— Каждый хозяин своего добра. Когда увидишь Жервилей, держись с достоинством, потому что ты стоишь Лазаретты. При первом отказе больше не возвращайся. Такой красивый и славный парень, как ты, найдёт девушку не менее милую, а главное — менее кокетливую, чем их дочь.

— Я желаю её, остальные меня мало волнуют.

— И напрасно.

— Её отец заставит её выйти за Жюля Бреванна.

— А что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Если я её потеряю, то убью себя!

— Та! Та! Та! Любовные страдания быстро проходят! Все их испытывают, и никто от них не умирает.

— Не верьте этому.

— Упрямец ты; настоящий Вермон!

— Наше счастье в ваших руках, смягчитесь. Лазаретта станет моей тётке дочерью, а я...

— Ладно! Ладно! Ненавижу позолоченные речи. Устраивай свои любовные дела как тебе угодно, лишь бы мои дела от этого не страдали. Кстати, я не прочь высказать тебе свой взгляд. Ты что, нарочно мне перечишь? Ты всё режешь, всё обрезаешь; можно подумать, будто ты уже хозяин! Я замечаю вещи, о которых ты со мной не советуешься. Твоя дерзость и моя осторожность говорят на разных языках. Впредь соразмеряй свой пыл с собственными средствами. Ничего не понимаю в твоём способе обработки земли; возможно, он превосходен, но воздержись от опытов за мой счёт. Моё невежество не помешало нашему благополучию; так ли уж несомненно, что твои знания сделают тебя искуснее?

Со всеми вашими новыми земледельческими приёмами и удобрениями, которые идут невесть откуда, вы истощаете землю, не получая лучших результатов. Я держусь привычного порядка, не доверяю переменам и не желаю видеть ни одной в своём владении. Здесь всё связано с моим сердцем глубокими корнями, и я заболел бы, если бы мне пришлось оставить свой дом, свой сад и этот каштан, посаженный в день моего рождения. Я оставляю колодец в полуразрушенном состоянии, потому что после починки перестал бы его узнавать. Когда меня называют скрягой, я смотрю на землю, у которой, несмотря на всё её богатство, тоже бывают минуты скупости. Я люблю её страстно, и эта страсть куда сильнее твоей любви к Лазаретте.

— Мне и в голову не приходило удалять вас из этого дома.

— Если я передам тебе управление им, ты станешь хозяином, а я хочу жить так, как жил сорок лет назад. Я, вообразивший, будто не изменился и не состарился, разве могу согласиться, чтобы меня задвинули в угол к ненужной мебели?.. А это непременно случится!..

— О, дядя!..

— Я был свидетелем подобных соглашений, почти всегда заканчивавшихся роковой смертью. В деревне врачи не всегда расследуют подлинные причины смерти; они подписывают свидетельства, даже не надев очков, а под предлогом разложения тел и санитарных требований покойников торопливо убирают с глаз долой. Чёрт возьми, когда смерть оказывается следствием преступления.

В прошлом году в деревушке Ла-Сурс врач не потрудился осмотреть Паскаля, которого сочли умершим; поверив свидетелям, он выдал мэру бумагу, удостоверявшую смерть, запись была составлена, и... Паскаль выходит отсюда.

Ты помнишь Даниеля, того калеку, чьё тело изогнулось дугой? Он был одним из моих товарищей, богаче меня; под Новый год он покончил с собой, повесившись. У него была слабость поверить ласкам внуков, и Бог знает, сколько раз потом он об этом жалел. Сперва они исправно платили ему ренту, но позднее, после неурожаев, перестали исполнять свои обязательства. Вынужденный жить у них, Даниель не мог пожаловаться, чтобы его не подняли на смех. Внучка обрывала его словами: «Закрой рот, у тебя больше нет зубов, чтобы кусаться». Комната бедняги была каморкой; его постель — соломенным тюфяком без простыней и одеял; зимой и летом он не носил ни рубашки, ни чулок, это было ужасно! И Даниель не единственный, кто так страдал. Нынешняя история Прио столь же плачевна. Потеряв сына, эта несчастная мать поселилась у невестки на пансионе, а та сумела завладеть её доверием и состоянием под условием кормить и содержать её до конца жизни. Стоит посмотреть, как за ней ухаживают. Всё под замком, и иной раз она ложится спать, не получив ни крошки. В воскресенье ей пригрозили палкой за то, что она подсластила молоко. Несколько драгоценностей возбудили алчность её хозяйки, и в день местного праздника несчастная услышала заговор против себя. «Как же так, — говорил любовник её невестки, — она не хочет дать тебе свои серьги и брошь, чтобы ты сегодня вечером пошла на бал... ты их получишь, по доброй воле или силой... это встряхнёт её кровь, а если она околеет, правосудие не узнает, почему. Эта старая кляча крепко держится за жизнь, ты слишком хорошо о ней заботишься, кажется, она даже толстеет».

Выслушав этот ужасный рассказ, тётка посоветовала Прио подать жалобу. «Мои жалобы ни к чему не приведут, — отвечала она, — зато мне придётся опасаться мести невестки и её мужчины. Я их боюсь».

Видишь, дорогой племянник, эти малоутешительные примеры доказывают, что старики, заключающие договоры со своими наследниками, совершают громадную глупость. Напротив, те, кто остаётся независимым, пользуются уважением... сами их владения охраняют их. После нас ты получишь Паржади; пока же довольствуйся тем, что заботишься о ферме и поддерживаешь её доходность.

Никогда ещё молодой человек не слышал, чтобы дядя говорил с такой убеждённостью; он был потрясён.

— Послушай ещё, — продолжил старик. — Прежде чем заключить сделку, я спрашиваю совета у своих воспоминаний, они ведут меня; ведь опыт — единственное моё образование. На вольном воздухе, у себя дома, я словно принц, и не вижу серьёзных причин, которые заставили бы меня изменить образ жизни. Созданный повелевать, я плохо умел бы повиноваться. Этот довод кажется тебе себялюбивым?.. Не больше твоего, мой мальчик! Все наследники похожи друг на друга, и я сваливаю их скопом... в один мешок.

— Дядя... сомнение в моей честности — самое тяжёлое оскорбление, какое можно мне нанести. Ни от кого другого я не стал бы его терпеть.

— Я сохраняю свои стариковские представления, уважай их.

— Мы с Лазареттой были бы вам вечно благодарны.

— Незачем настаивать; ступай к работе.

После этого властного приказа Пьер собирался уйти, когда Анри, нёсший вязанку хвороста, громко сказал ему: «Не уходите, художник хочет поговорить с вами».

— Что ему от меня надо?

— Не знаю; впрочем, он идёт за мной.

На пороге дома показалась хозяйка фермы Мариетта, державшая ложку, обмазанную тестом:

— Анри, живо принеси хворост, — крикнула она, — мне нужен сильный огонь, чтобы удались блинчики.

— Блинчики, — повторил слуга, — вот это удача! А чем мы их будем запивать?

— Спроси у хозяина.

Анри опустил свою ношу, которую Антуан, пахарь, поспешил перенести в общую комнату, где Мариетта готовила ужин. Оставшись во дворе, он подумал:

— Большое дело!.. Хорошо ещё, что вот и господин Морис.

И, побежав навстречу художнику, он освободил его от принадлежностей для живописи.

— Посмотрите, какой угрюмый вид у хозяина, — сказал он. — По случаю его именин хозяйка нас угощает. Чуете, как вкусно пахнут блинчики?.. Боюсь, что меня прогонят, если я попрошу поесть их на дворе и запить вином, а не кислой бурдой. Поскольку святых по имени Этьен несколько, семья вот уже семьдесят лет отмечает день того святого, который совпадает с днём рождения.

— Понимаю и назначаю себя вашим послом.

Он подошёл пожать фермеру руку и выразил удовольствие, с каким поужинал бы под открытым небом.

— Ночь наступает быстро... Нельзя есть без света, а ветер слишком быстро сжигает свечи.

— Защитим их фонарями.

— Светлая мысль! — воскликнул Анри.

— Это ты, верно, её подсказал, негодник. Ступай за фонарями... Знаешь, за теми, что свёрнуты винтом.

— Да, хозяин.

— Вы довольны, господин Морис?

— Очень доволен.

— Вы любите виноград?

— Так же, как хорошеньких девушек.

— Пока Мариетта стряпает блинчики, я срежу самые лучшие грозди со своей лозы.

Он взял лестницу, осторожно приставил её к стене между лозами, поднялся на шесть перекладин, протянул руку, приподнял листья и, показывая тяжёлые гроздья, сказал:

— Он и красив, и вкусен. Секрет плодовитости лоз — в обрезке. Каждый год результат удивителен.

— Вы распространили ваш способ?

— Ещё чего! Только я им пользуюсь; даже мой племянник его не знает.

И медленно, с сожалением, себялюбец сорвал золотистый шасла.

— Боже мой! — вдруг воскликнула Мариетта, выходя из общей комнаты вслед за Пьером и Анри, — эти блинчики совсем вскружили мне голову. Простите меня, господин Морис.

— Что случилось?

— Посыльный из Парижа оставил для вас корзину.

— Никто не знает, где я скрываюсь.

— Кроме вашей матушки...

— Что она может прислать мне?

— Петуха.

— Что за шутка!

— Катрин, — крикнула Мариетта, — принеси эту тварь.

— Вот птица, — беспечно сказала служанка.

Художник прочёл надпись на ярлыке:

«Господину Морису Дебюсси,

на ферму Паржади.

Господин Крёвкёр».

Едва было произнесено последнее слово, как раздалось громкое «кукареку».

— Это имя, — продолжил он, — совершенно мне неизвестно.

— Крёвкёр... (раздалось второе «кукареку») — это местность в департаменте Сарта, где в большом количестве разводят домашнюю птицу, — сказал Пьер.

— Как образован мой племянник! — с гордостью воскликнула госпожа Вермон.

— Слишком, — возразил её муж.

Художник разрезал верёвку, державшую крышку, и великолепный петух выскочил из плетёной тюрьмы.

— Вот так проделка! — сказал художник.

— Какой красивый петух! Какой красивый петух! — повторяла хозяйка. — У него что-то привязано к лапе.

— Его документы, — заметил Анри и схватил птицу, чтобы убедиться в этом.

— Прислать мне петуха, — говорил Морис, разворачивая письмо, — для того ли, чтобы я его написал, съел или сделал чучело?.. Какой шутник надо мной потешается?

И он прочёл вслух:

«Дорогой мой Морис,

Несмотря на все старания укрыть свои произведения и собственную особу от нашего восхищения, мне удалось найти гнездо, в котором ты устроился, а Сансонне, наш товарищ, уверяет, что ты выручишь меня, предоставив убежище, помощь и покровительство этой птице, история которой трогательна, особенно для моего кошелька.

Нужно ли повторять тебе, что моя лень останется легендарной? Нет. Однако на этот раз она сослужила мне службу. По милой моей привычке я распевал: «Ах, как сладко ничего не делать...», растянувшись на диване Поля Амлена, и смотрел, как он пишет физиономию Гроклу, торговца лошадьми с улицы Нотр-Дам-де-Шан, который носит на жилете золотую цепь такой толщины, что при надобности ею можно удержать бульдога, и предлагает свой портрет первому встречному с непременным условием поместить под ним свою собственную подпись с посвящением: «Дар от автора». Я предавался созерцанию, когда вошёл незнакомец. В руке он держал ту самую корзину, которая теперь находится у тебя и из которой торчала голова петуха с огромным гребнем.

— Господин Поль Амлен? — спросил посетитель с англо-французским выговором.

— К вашим услугам, — ответил Поль.

И завязался разговор.

— Я желаю, чтобы изображение моего петуха было написано так же, как изображение этого господина.

При этих словах иностранец указал на Гроклу, который поморщился.

Поль поспешил ответить:

— Я пишу только портреты знаменитых людей.

Гроклу опять стал спокоен, или похож на чижа — выбирай сам.

— Моя птица тоже станет знаменитой, и я хочу её портрет.

— Вот, — сказал Поль, коснувшись меня кончиком кисти, — художник, который вам нужен: мы с уважением приветствуем его, ибо талант его замечателен; на выставках он получает первые награды за картины, изображающие птичий двор.

Иностранец невозмутимо направился ко мне.

Я увидел, как он расстегнул пальто, вынул из него бумажник, открыл его, достал банковский билет и положил на подушку, на которой я лежал:

— Через месяц я вернусь, — сказал он мне, — забрать птицу и её изображение (он очень дорожил этим изображением), заботьтесь о животном, порода его редкая; своими упражнениями оно составляло богатство бродячего цирка; кроме того, оно немое».

Анри воскликнул:

— Врун!

«Кроме того, оно немое, — продолжал читать Морис, — и издаёт свой естественный крик только тогда, когда его назовут «Крёвкёр».

(Раздалось третье «кукареку».)

Если добавить слово «господин», оно начинает свои упражнения.

После такой биографии я проникся громадным интересом к англичанину, его петуху и тысяче франков».

— Тысяча франков за изображение этой твари на холсте? Какое безумие! — пробормотал фермер.

«Едва я выполнил заказ, как телеграмма из Марселя известила меня, что мой заказчик направляется в Чикаго и по возвращении заберёт оригинал и копию своего феномена. «Позаботьтесь о нём, — подчёркивалось в депеше, — вы получите хорошее вознаграждение».

Суди сам, какими представлениями петух окупил все расходы! Вскоре домовладелец потребовал от Поля съехать, прибегнув к вмешательству властей. В тот день состоялось настоящее торжественное представление; все покатывались со смеху, а комиссар, человек добродушный, никак не мог оправиться от изумления, которое вызвали у него необыкновенные упражнения этой курообразной птицы, когда она, приняв вид хвастливого капитана, испускала свою фанфару.

— «Я видел, — говорил представитель власти, — слонов, лошадей, оленей, собак, свиней, обезьян, гусей, индеек и болванов, выдрессированных проделывать вещи, противные их природе; я видел бойцовых петухов, но ни один не был так занимателен, как этот».

Поистине Крёвкёр (раздалось четвёртое «кукареку») исполняет опасные прыжки, ни разу не поскользнувшись; он изображает клодоша, окидывает публику высокомерным взглядом, разминает лапы, встряхивает гребнем, кланяется, качает головой, словно медведь, и исполняет сольный танец, напоминающий тебе о моих успехах на балу Соль-Пюс».

— На этом балу, наверное, все чешутся? — снова перебил Анри.

Катрин пожала плечами и возразила:

— А у меня уже чешется.

Морис закончил чтение:

«Говорят, что полицейское постановление запрещает держать подобную птицу в жилых домах, даже если там живут художники. Поскольку Поль дорожит своей мастерской, он заставил меня поместить петуха в другое место, и я вверяю его твоим заботам. Он недолго будет тебе в тягость: его оперение и вызывающие взгляды скоро побудят молодых курочек увести его с собой. Завидую его судьбе... и твоей, счастливец!

Твой товарищ,

Алексис».

«P. S. — Как думаешь, не возбудила ли во мне эта тысячефранковая бумажка желание объехать весь свет? Уезжаю, прощай!»

— Ах, какие забавные люди, какая забавная птица! — воскликнула хозяйка.

— Я не знаю этой породы, — прибавил фермер... — Если бы она могла размножаться... Наше счастье привело бы Фуашо и Жервиля в бешенство.

— О, этот петух, — заметил Анри, — он сухощавый, нервный, крепко стоит на шпорах; он станет главным петухом деревни.

— Он похож на тебя, красавец-победитель, — ответила Катрин, проводя рукой по его волосам.

— Вашему новому постояльцу, — сказал Морис, — нужно восстановить силы после длительного голодания.

Мариетта приказала Анри отнести его в курятник.

— Надеюсь, мы будем ужинать? — спросил Вермон.

— Займись походом в погреб, Катрин накроет на стол, Антуан поставит свечи в фонари, и всё будет готово.

Во время этого происшествия Пьер оставался безучастным; ему скорее хотелось плакать, чем смеяться.

Морис приблизился и, отведя его в сторону, сказал:

— Мадемуазель Вилен и Анри рассказали мне о ваших невзгодах; я намерен положить им конец, смягчив моего упрямого хозяина.

Влюблённый не скрыл разговора, который только что состоялся у него с дядей.

— У меня есть замысел, — продолжал художник, — который смягчит его нрав, только достаньте мне несколько бутылок превосходного вина; я заплачу за них какую угодно цену.

— Ни у кого в деревне нет погреба лучше, чем у Жервилей; я могу обратиться к матери Лазаретты.

— Ступайте скорее.

Оба мужчины удалились.

Анри и Катрин, оставшись одни во дворе, заканчивали расставлять тарелки.

— Когда же мы поженимся, моя милая? — спросил парень у служанки.

— Никогда... Я боюсь замужества.

Их прервало появление хозяев, один принёс кувшины, другая — вазу с цветами.

— За стол! — скомандовал фермер, заметив художника.

— Где мой племянник? — спросила Мариетта, подавая суп.

— Сейчас придёт, — ответил художник.

— Этот сердцеед, — продолжал Вермон, — пунктуален только в любовных делах.

— Ты опять собираешься на него ворчать?

— Если бы дело касалось любовного свидания, он был бы здесь.

Морис попытался переменить разговор.

— Когда вы начинаете сбор винограда? — спросил он.

— В следующем месяце.

— Я буду с вами.

— Тем лучше! — воскликнула служанка. — Нам не хватает рабочих рук, и всякий раз случается куча неприятностей...

— Чтобы досадить мне, — объяснил Вермон, — Жервиль сговаривается с Фуашо и Фине; они заранее нанимают подёнщиков, так что когда они мне нужны, людей не остаётся. Часть урожая так и стоит на корню, к удовольствию мальчишек.

— На этот раз вы приняли меры предосторожности?

— Пришлось бы истратить слишком большую сумму, иначе я бы их провёл.

Вернувшись, Пьер поставил корзину за колодцем, сел и почти ничего не ел.

Вечер был тихим и звёздным. Ферма давно не знала такого праздника; её старые стены отзывались на долгие приветственные возгласы, которыми встретили блинчики, принесённые Катрин на огромном фаянсовом блюде. Счастливая Мариетта раздавала их гостям.

Морис поднялся и, показывая бутылки, сказал Вермону:

— Дорогой хозяин, вы были так любезны, что угостили нас своим прекрасным виноградом. Позвольте мне ответить на эту любезность и выпить за ваши семьдесят лет.

Гости протянули оловянные кружки, которые художник наполнил до краёв, и все закричали: «Да здравствует день святого Этьена!»

Глубоко тронутый фермер произнёс:

— Спасибо, дети мои. Величайшее счастье — быть здоровым; лучше заботиться о здоровье, чем о болезни.

Он выпил большими глотками, причмокнул языком и прибавил:

— Превосходное вино, Бреванн давал такое же Жервилю.

Затем он напел припев старинной песни.

— От него ничто не ускользнёт, — проворчал Пьер.

Пользуясь хорошим расположением духа фермера и слабым светом фонарей, художник подливал ему вина и незаметно подвёл своего гостеприимного хозяина к щекотливому вопросу, который намеревался затронуть. Конечно, предприятие было нелёгким, и он принимал на себя тяжёлую ответственность.

После нескольких выпитых подряд стаканов Этьен Вермон, казалось, задремал; Мариетта, желая разбудить его, попросила племянника спеть хороводную песню «Полевых сторожей».

— У меня горло горит, — ответил Пьер.

— Ты нелюбезен.

— Ему кое-кого недостаёт, — заметил Морис.

— Не моя вина.

— Так вы согласились бы уступить ему ферму?

— Не знаю...

Морис вступился за своего подопечного с красноречием, которого сам в себе не подозревал.

Старик выпрямился при словах о наследовании, аренде и свадьбе и встряхнул Мариетту за руку:

— Что ты говоришь? Что ты говоришь?

— Что я хотела бы сделать людей счастливыми, если бы мы удалились на покой.

— Это тебе решать.

Получив согласие хозяйки, Морис уже не колебался обратиться к её мужу.

— Вы боитесь, что ферма придёт в упадок?

— Нет.

— Что ваши преемники не исполнят своих обязательств?

— Никто не отвечает за будущее.

— Но ведь вы желаете процветания своему племяннику?

— Если бы я собирался отойти от дел и он мог бы предложить мне какие-нибудь гарантии...

— Это не помеха, я внесу вашему нотариусу какую вам будет угодно сумму.

Пьер взглянул на Мориса с такой благодарностью в глазах, что художник не пожалел о своём порыве щедрости и продолжал:

— Вам нужно двадцать, тридцать, сорок тысяч франков? Я волен распоряжаться своим состоянием и всё ещё верю в честность.

Эти цифры прозвучали в ушах ослеплённого скряги словно настоящие золотые монеты. Он уже готов был заключить сделку, когда его врождённая подозрительность почуяла воображаемую ловушку. Какую же выгоду преследует этот человек, оказывая подобные щедроты? — подумал он.

Не получив от своих размышлений никакого ответа, он заключил, что его хотят ограбить, и опьянение, мало-помалу овладевавшее им, точно по волшебству рассеялось. Только такой страх мог подействовать настолько быстро. Он заметил, как Мариетта бросала на художника понимающие взгляды, сопровождаемые ласковыми улыбками. Это переполнило чашу. Он вышел из себя.

— Вы оба сговорились с Пьером, — заявил он. — Не отпирайтесь... Я помню слова Анри, когда он принёс вязанку: «Не уходите, художник хочет увидеть вас до ужина»; вот оно что... Вот оно что... Меня хотят обобрать.

— Этьен, — сказала Мариетта, — ты несправедлив.

— Да, обобрать нас, — повторил он, — но они и не подозревают, какое оружие у меня против них. Значит, ты согласилась бы отказаться от Паржади?

— Я заслужила отдых.

— И не думай!

— Зачем же ты меня об этом спрашиваешь?

— Потому что меня заставляют принять решение. Ну что ж! Я объявляю, что никогда не покину ферму! Слишком многие на неё зарятся. По естественному порядку вещей я должен уйти первым, и мой долг — защитить ферму от твоей слабости, а потому я хочу нынче же вечером быть уверенным, что ни добром, ни силой тебя не удастся лишить владения ею. Поклянись мне, что, пока ты жива, Пьер здесь не будет хозяином.

— Но ведь...

— Если откажешься, умри последней, потому что иначе священник не придёт к тебе напутствовать тебя.

— Погубить своё вечное спасение! Такова награда за столько лет покорности и верности?

— Поклянись, а я обязуюсь учредить вечную заупокойную мессу ради упокоения твоей души.

— Умереть в состоянии греха! Подвергнуть себя адским мукам, когда всю жизнь я боялась Господа!.. Ужасно то, чего ты от меня требуешь.

— По-другому не будет.

Совершенно подавленная Мариетта расплакалась.

— Ты ответишь мне? — крикнул Вермон.

Пьер с мучительным беспокойством следил за ходом этой жестокой сцены. Тётка колебалась. Он сложил руки и взмолился:

— Ради сострадания... Ваша клятва была бы неотменимой.

— Именно этого я и хочу, — заявил фермер.

Запуганная бедная женщина вытерла слёзы и, дрожа, ответила молодому человеку:

— Моё спасение превыше всего! Я предпочитаю призвать Бога в свидетели того, что фермы тебе не достанется.

И, подняв руку, она пролепетала:

— Я... я это... я клянусь.

Тогда Этьен, с силой ударив кулаком по столу, завопил:

— Гром и молния! Я победил и держу вас, голубчики! Теперь, мой прекрасный адвокат, — насмешливо обратился он к Морису, — поберегите свои деньги; на этот раз они пойдут на оплату вашего красноречия.

И, повернувшись к племяннику, он свирепо выкрикнул:

— Хищный стервятник, ты намерен обобрать нас? Я нисколько не лучше до выпивки, чем после неё. Чтобы я больше никогда о тебе не слышал, не то вышвырну тебя вон. Посмотрим, не окажется ли чужой хлеб черствее семейного. Жалкие хитрецы! — продолжил он, пожимая плечами, — нельзя перехитрить старого лиса.

И, наполнив стакан, прибавил:

— Я пью это вино, словно воду из собственного колодца; в такой игре я останусь вашим вожаком. А теперь оставьте меня в покое, или вышвырну всех за дверь.

Взбудораженный и собственными словами, и жаром доброго бургундского, он крикнул слугам:

— Ну-ка, вы, убирайте эти фонари и ничего не оставляйте валяться. Я больше никого не задерживаю.

Гости поднялись. Антуан снял фонари и поставил их на стол; они сложились, оставив свечи снаружи. Вермон обернулся, заметил горевшие свечи и захотел их задуть; но дул то слишком высоко, то слишком низко. Раздосадованный, он позвал:

— Анри, Катрин, Антуан! Вы издеваетесь надо мной? Задуйте скорее, чтобы я мог унести свои свечи.

Стало совершенно темно.

— Ну как тебе понравился праздник? — спросил Анри у Катрин.

Та указала на Мариетту, которая, понурив голову, шла вслед за мужем и Антуаном.

— Вот что такое брак. Веди себя смирно, добрая женщина.

И оба отправились каждый в свою комнату.

— Бедный мой друг, — сказал художник Пьеру, — я в отчаянии.

— И всё-таки я сохраню память о вашем великодушном предложении. Вы были предупреждены о необыкновенном упрямстве моего дяди.

— Я не мог этому поверить.

— Представьте себе мои мучения с тех пор, как я полюбил. Бегите от женщин, чтобы никогда не влюбляться.

— Напротив, любить их всех — единственный способ избежать этой беды.

— Я потерял последнюю надежду, мне следовало бы уехать за границу.

— Пьер! Пьер! — тихо позвал чей-то голос.

— Это она... моя Лазаретта.

— В такой час? — удивился Морис.

— Мне пришлось сообщить ей цель нашей попытки, она пришла узнать её исход.

— Я оставляю вас, сожалея, что не сумел лучше вам помочь. Помните, что я предоставляю в ваше распоряжение и себя самого, и свой кошелёк.

Пьер приоткрыл большие ворота, за которыми притаилась Лазаретта.

— Любовь моя, дорогая моя любовь, — прошептал он, ведя девушку под каштан.

— Вы добились успеха? — спросила она.

— Увы! Дядя выгонит меня, если с ним ещё раз заговорят о ферме.

— Какой мерзкий человек!

— Я лишился последних сил.

И он сел на каменный край колодца и заплакал.

Она опустилась на колени, стараясь разглядеть его; но звёзды едва освещали темноту безлунной ночи. Под покровом мрака влюблённые предались своему горю.

— Зачем так плакать? — сказала она, стараясь скрыть собственное волнение, ибо, если слёзы женщины трогают, то слёзы мужчины разрывают сердце.

— Мне придётся отказаться от тебя.

— Я буду тебя ждать, и моя любовь поддержит тебя. Я стану твоим проводником, твоим ангелом-хранителем.

— Милая утешительница, ты убаюкиваешь моё горе и усыпляешь его. Рядом с тобой я становлюсь лучше, моя обида исчезает, и я вдыхаю предвкушение счастья, которое ускользает от меня. Вот здесь, — сказал он, прижимая её к себе, — я уверен, что ты думаешь лишь обо мне.

— Опять эти сомнения?

— Бреванн, этот проклятый жених, у твоего отца?

— Никто не заставит меня выйти за него. У меня есть упорство. Подражай мне.

— Ты любишь меня, правда? Повтори это нежное слово, скажи: «Я тебя люблю!» Скажи!.. И я утешусь.

— Люблю ли я тебя?.. Всей душой!

Лазаретта бросилась Пьеру в объятия; он нежно поцеловал её.

— Моя мать, — сказала она, высвобождаясь, — на вечерних посиделках, и, если меня в такой час застанут с тобой, за эту неосторожность я заплачу своей репутацией. Расстанемся.

— Дорогая невеста!.. Жена моя!..

— Ещё нет!.. К несчастью!..

— Я рассчитываю лишь на тебя.

— Мама нам поможет, и твоя тётка...

Пьер перебил её и низким, глубоким голосом, полным горечи, излил желчь, переполнявшую его душу.

— Эта женщина, — сказал он, — эта женщина, которую я почитал бы, ради которой боролся бы с нашим общим тираном, одним словом отняла обратно свои благодеяния; теперь я ничего ей не должен.

— Неужели гордость сделает тебя неблагодарным?

— Гордость не стирает оскорблений, а я сейчас испытываю их сполна.

— Что же произошло?

— Моя тётка поклялась удержать ферму, что бы ни случилось!

Лазаретта умолкла.

— Эта новая неудача пошатнула твою веру? — тревожно спросил Пьер.

— Узнай меня получше: ничто не может ослабить настоящую любовь, и препятствия делают её сильнее. Думаешь, моё слово стоит меньше слова твоей тётки и что её клятве я не могу противопоставить свою? Слушай, слушай, любимый: пока свет звёзд будет отражаться в моих глазах, ты прочтёшь в них торжественное обещание, которое я даю, — принадлежать тебе; клянусь тебе!

— Ах! Теперь пусть рушится земля, пусть мои враги яростно ополчатся против нашего счастья, я вооружён, чтобы защитить его!

ГЛАВА IV

Вечерние посиделки

Прошло три месяца, в течение которых Жервиль и Вермон прекратили и без того весьма натянутые отношения. Тем не менее Пьер и Лазаретта жили той надеждой, которая поддерживает влюблённых. Благодаря вечерним посиделкам они ещё могли видеться у общих друзей, и этого утешения было достаточно, чтобы питать источник радостей и печалей, одинаково дорогих их сердцам.

Ферма Паржади стала мрачной, безмолвной, и даже если бы супруги Вермон последовали местному обычаю принимать соседей, они не смогли бы помешать своему племяннику бывать там, где находились дамы Жервиль.

Неожиданно молодой человек перестал появляться на посиделках. Не заболел ли он? — Нет. Не оставался ли он дома, чтобы составлять компанию своим родственникам? — Тоже нет. Не посещал ли он кабачок? — Тем более нет. Такое исчезновение не могло остаться незамеченным; вскоре его стали обсуждать у постели госпожи Матьё, которой неизлечимая болезнь не мешала ни проявлять любопытство, ни собирать вокруг себя близких знакомых.

Лазаретта, желая встретить Пьера, возобновила посещения вдовы. Жервиль воспротивился этому, так что девушке пришлось умолять мать тайком сопровождать её и выбирать для этого время, когда охотник отправлялся в общинный клуб хвастаться своими охотничьими подвигами. Госпожа Жервиль колебалась; наконец, тронутая мольбами дочери, которая вознаграждала её за вопиющие несправедливости, она уступила. Предосторожности, которые обе женщины должны были соблюдать, нарушая полученный приказ, нередко позволяли им лишь ненадолго показываться в доме больной.

15 декабря в комнате, смежной с той, где лежала вдова Матьё, собралось многочисленное общество; говорили о рождественских и новогодних праздниках, о подарках, которые предстояло дарить и получать.

Вокруг очага старухи вязали; молодёжь, состоявшая почти исключительно из сыновей Фуашо и их сестёр, играла в салонные игры. Мадемуазель Вилен ворошила красные угли, под которыми жарились каштаны.

Из беседы, то общей, то частной, не были исключены и сплетни. Ни одна семья не могла укрыться от разбора этого кружка, с совершеннейшей непринуждённостью вмешивавшегося в чужие дела.

Урсула, старшая дочь мэра, заметила отсутствие дам Жервиль, и Адель Блонд, бойкая молодая девушка, поспешила ответить, что хозяин, должно быть, задержал их.

— Какой невыносимый человек! — добавила она. — В воскресенье он разыграл перед нами целую комедию...

— Смешную? — спросила мадемуазель Вилен.

— Очень смешную.

— Расскажешь нам её?

Адель не заставила себя упрашивать.

— Задолго до мессы, — начала она, — я пошла за Лазареттой. Она одевалась, и мне пришлось её подождать. Господин Жервиль, вставший в дурном расположении духа, ворчал, как обычно. Вдруг он громогласно закричал:

— Мой завтрак!

— Чего ты хочешь? — поспешила спросить госпожа Жервиль.

— Мне всё равно.

— Я хочу это знать.

— Зачем?

— Потому что обычно твои желания противоположны нашим.

— Я буду есть то же, что и ты.

— Молока?

— Ох! Молоко... молоко... терпеть его не могу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.